

Мец

Лавка
дядюшки
Лука

Сергей Мец
Лавка дядюшки Лика

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Мец С.

Лавка дядюшки Лика / С. Мец — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Некогда их было около тысячи, теперь осталась всего дюжина, и им предстоит завершить очередной этап эксперимента.

Мец

ЛАВКА ДЯДЮШКИ ЛИКА

Сказка-быль

Жизнь в нашем городке начиналась ближе к вечеру, когда солнце опускалось к горизонту и спадал дневной зной, а теперь все живое попряталось в тени деревьев и домов. Самое уютное и прохладное из таких мест городка было расположено во дворе у дядюшки Лика, в дальнем конце которого и находилась знаменитая лавка.

Как только утомленный невыносимым зноем посетитель сворачивал на улицу, где жил дядюшка Лик, его взору открывалось чудесное зрелище, и он прибавлял шагу, чтобы скорее ступить в тенистый сад. Невысокая, в половину человеческого роста, калитка располагалась в центре такого же невысокого штакетника, почти совсем утонувшего в дебрях живой изгороди, ветки которой украшали ягоды крыжовника. Темно-розовые с золотистыми прожилками, мясистые и вместе с тем прозрачные, они своим видом чем-то напоминали миниатюрные елочные игрушки. Штакетник тянулся вокруг всего сада, и половину урожая крыжовника собирали как правило птицы и соседские мальчишки.

Сразу за калиткой начинался сад. Вишня, черешня, яблони, груши, инжир, клубника, грядки разнообразной зелени – чего тут только не было. Вдалеке, у правого забора, была отгорожена от сада металлической сеткой небольшая территория, откуда доносилось кудахтанье кур и специфический запах сельской жизни.

Пройдя метров пятьдесят по дорожке, вымощенной плоским булыжником, наслаждаясь прохладой и великолепием сада, пришедший к дядюшке Лику посетитель попадал на следующий уровень восхищения и блаженства. Параллельно дому тянулась длинная арка из металлических труб, вся увитая виноградными рукавами. Прямо над головой и по вертикальным стенкам арки с ветвей свисали наливающиеся спелостью кисти разных пород – от нежнейшего «дамского пальчика» с неповторимым вкусом и одной крупной косточкой внутри до внушительных размеров розовых, столового сорта, и мелких иссиня-черных гроздей кишмиша. Эту арку и пересекала тропинка, ведущая от калитки через сад, и тут непременно задерживались все, кто приходил по делам к дядюшке Лику.

Слева, в самом конце навеса стоял небольшой массивный деревянный стол, за которым поместилось бы не больше десяти человек, а сразу за ним был вырыт и облицован булыжником небольшой хауз, в котором журчала родниковая вода, перекатываясь через камни, и резвились золотые рыбки. В воде покоилась и специальная сетчатая конструкция, где всегда охлаждалось несколько бутылок разнообразных напитков.

Все это великолепие пряталось в тени старых карагачей с мозолистыми натруженными за столетие стволами, и тут же было обустроено место для приготовления пищи: глиняный тандыр с черным от частого использования чугуном сверху, мангал, рассчитанный шампуров на двадцать, и небольшой самовар. Кругом царила такая желанная в эти знойные месяцы южного лета прохлада, что каждый пришедший ненадолго присаживался за стол, отдыхая и любясь прекрасным ухоженным садом.

Сама лавка пряталась в тени таких же вековых платанов, что осеняли своими кронами заветное место у хауза. Это был обычный дом в два этажа, какие строят по всей земле на приусадебных участках: пара небольших спален, туалет с душем, примыкающая к ним крохотная кухонька на втором этаже, и собственно сама лавка, которая занимала весь первый.

Окна спален и двери с двумя узкими створками выходили на небольшую веранду, поддерживаемую мощными круглыми деревянными столбами, покрытыми искусной резьбой, и отсюда открывался вид на задний двор дома. Попасть туда можно было только открыв дверь в самой глубине лавки, и никак иначе. Справа за этой дверью, вдоль глухой стены, убегала

вверх лестница, ведущая на второй этаж, а слева находилась еще одна дверь, за которой располагалась гардеробная – длинная узкая комната со встроенными шкафами по обеим стенам, открыв любую из зеркальных створок которых можно было обнаружить вешалки с одеждой и полки с обувью.

Но был у этой комнаты секрет – центральная секция шкафа у правой стены выдвигалась внутрь комнаты и за ней взору открывалась еще одна маленькая комнатка и еще одна дверь, потайная. Она-то и вела на задний двор, но поскольку сад по обеим сторонам лавки заканчивался высоким, метра в три, деревянным забором, то о существовании заднего двора никто из гостей и не догадывался. Допуск туда был разрешен только тем, кто был посвящен в тайну лавки.

Перешагнув порог заветной двери, ты тут же оказывался перед густыми в человеческий рост зарослями кустарника, которые хозяин дома называл «матёркой». Сквозь заросли петляла тропинка, вымощенная все тем же плоским булыжником, и ступив на нее гость оказывался во власти какого-то особенного запаха, терпкого и очень необычно душистого. Голова начинала слегка кружиться, но это не пугало, а скорее радовало. Настроение поднималось, мир выглядел как-то иначе, гораздо праздничнее, чем еще минут пять назад, и тут заросли внезапно заканчивались. Изумленный, ты останавливался, не в силах осознать все величие вдруг открывшейся картины.

Оказывалось, что сад и дом с лавкой дядюшки Лика расположены почти у самого края грандиозного ущелья, падающего на несколько сотен метров вниз отвесной скалой и простирающегося не меньше, чем на несколько десятков километров вдаль. Дно этого громадного ущелья представляло из себя бескрайнюю равнину, по которой текла неглубокая не очень широкая и быстрая речка с берегами, поросшими зарослями деревьев и кустарников. Дальний берег насколько хватало глаз покрывал лес, исчезающий в сизой дымке, тянувшейся до самых горных вершин со снежными шапками, а ближний, от подножия скалы и до русла реки – лишь сочной невысокой травой и редкими деревцами. Тут целыми днями паслись коровы и козы, позвякивая колокольчиками, звук которых, впрочем, почти никогда не достигал этой высоты. Слева, километрах в пяти виднелись крыши двух дюжин домов небольшой деревеньки, утопающей в зелени.

Край обрыва был укреплен мощным деревянным частоколом, заостренные концы бревен которого, в обхват шириной, были направлены внутрь двора. Для того, чтобы подойти к частоколу, необходимо было преодолеть десяток ступеней, спуститься с пригорка, на котором полукругом располагались несколько плетеных кресел под навесом, оббитым, как и опоры веранды, плюсом, и пройти около пятидесяти шагов. Между бревнами частокола было не больше десятка сантиметров зазора, так, чтобы даже ребенок не смог протиснуться, а высотой они были метра в три, и, поскольку направлены были внутрь двора, то и забраться на них представлялось задачей весьма непростой. Впрочем, сюда попадали лишь избранные, те, кто был посвящен, как уже говорилось, в тайну лавки дядюшки Лика.

Дядюшка Лик

Плотного телосложения, даже немного грузный, обладатель большой головы с высоким лбом, выразительными карими слегка навькате и всегда прищуренными в доброй и хитровой улыбке глазами, крупным с горбинкой носом и тяжеловатым подбородком, украшенным великолепной черной с проседью бородой – таким представал дядюшка Лик каждому новому посетителю. Картину дополняли неизменная войлочная шапочка грязно-серого цвета с черной тонкой тряпичной каймой по окружности, широкая светлая льняная рубашка без воротника, столь же широкие льняные брюки и кожаные с задниками тапочки, формой напоминающие калоши. На вид ему было лет около шестидесяти, но он был бодр, неизменно свеж, деятелен и каждое утро начинал с обхода сада.

Жил дядюшка Лик один, места ему вполне хватало, а излишек в виде второй спальни он иногда предлагал припозднившимся покупателям, приезжавшим из дальних мест. Это весьма редко случалось и на этот случай окна и двери гостевой спальни закрывались снаружи тяжелыми деревянными ставнями, сквозь которые почти не пробивался свет. Объяснения подобным мерам предосторожности были необходимы, как я выяснил позже, но остававшимся ночевать гостям они совсем не требовались: в комнате царила спасительная прохлада, воздух был наполнен ароматами разнотравья, а редкие лучи света, падавшие на деревянный пол сквозь щели в ставнях, довершали картину какого-то необыкновенного уюта и умиротворения.

Утром, завершив все необходимые процедуры, следующие сразу за пробуждением, и приняв душ, гость спускался вниз, в лавку. Тут его встречал уже давно бодрствующий хозяин и они направлялись к тому самому месту, которое столь вдохновляло каждого пришедшего – в арку, к известному нам уже столу. В казане на медленном огне разогревался вчерашний ужин, а в мангале пылали жаром угли, на которые дядюшка Лик тут же ставил полдюжины шампуров. Стол украшало блюдо с крупно нарезанными овощами и зеленью, хлеб в плетеной корзинке, а чуть поодаль стояли несколько других корзинок с только что срезанными и вымытыми в ключевой воде гроздьями винограда, собранной вишней, черешней, абрикосами и прочими дарами чудесного сада.

За неторопливой беседой, поглощением яств и чаепитием проходил час-другой, после чего гость благодарил дядюшку Лика и с явным сожалением на лице покидал гостеприимный двор, провожаемый хозяином до калитки. Тут они бывало задерживались еще ненадолго, присев на лавку и иногда выкуривая по скрученной сигарете с душистым табаком, и наконец гость, откланявшись, закрывал за собой калитку, моментально попадая в объятия густого и липкого марева летнего дня.

Затянувшиеся визиты, подобные описанному, были весьма редки. Дядюшка Лик при всей его душевности и чрезвычайно открытом характере почти не имел друзей. Точнее, друг у него был всего один, этой дружбе было уже очень много лет и этот его друг стал для дядюшки Лика практически семьей. Он был таким же одиноким, порой целыми днями проводил тут, помогая ухаживать за садом и частенько оставался переночевать. В этом случае ставни на окнах не закрывались, поскольку мистер Пик, а так звали этого человека, был не просто другом, а соратником и партнером дядюшки Лика и никаких секретов от него быть не могло.

Читателю может показаться, что автор намеренно выдумывает эти странные имена, похожие скорее на прозвища, но, уверяю вас, именно так они обращались друг к другу. Как-то раз узнав по счастливому стечению обстоятельств, как мне тогда показалось, о существовании лавки дядюшки Лика и нанеся ему визит, я попал в это благословенное место ровно в тот день, когда там гостил мистер Пик. Они с дядюшкой Ликом сидели за столом у хауза, пили чай и неторопливо что-то обсуждали. Я подошел, поздоровался и ко мне навстречу поднялись оба.

– Здравствуйте, молодой человек! – сказал тот, что первым протянул мне руку для приветствия. – Меня зовут дядюшка Лик, а это мой друг, мистер Пик.

– Очень приятно! – ответил я и бесцеремонно поинтересовался, даже забыв представиться. – Какие интересные у вас имена! Вероятно, это прозвища, или я ошибаюсь?

– Вполне возможно, что и так, – ответил тот, что назвался дядюшкой Ликом. – Присаживайтесь, выпьем чаю, поговорим.

О существовании этой удивительной лавки мне некогда поведал институтский друг, с которым мы жили в одной комнате общежития вот уже пару лет. Он же рассказал о чрезвычайной скрытности дядюшки Лика, что на поверку оказалось совершеннейшим вымыслом. Только гораздо позже, после многочисленных визитов в это прекрасное место, долгих разговоров с хозяином и единственным его другом, удостоившими меня подобной чести, я понял насколько тонким знатоком человеческой природы был дядюшка Лик. Он мог часами беседовать с приглянувшимся ему посетителем, а мог настойчиво отделяваться короткими, но веж-

ливыми ответами от того, кто был ему неприятен. И в каждом своем проявлении он был всегда предельно естественен.

Определял он свойства характера человека совершенно точно даже после непродолжительного общения и никогда не ошибался. Впоследствии, когда мы крепко сдружились с дядюшкой Ликом и его другом, я был принят в круг этих прекрасных людей и посвящен в удивительную тайну лавки, мне представилась возможность убедиться в этом. А в тот день я был всего лишь приглашен к столу, выпить чаю и отведать плодов замечательного сада. Тогда же я и узнал причину столь необычных имен хозяина и его друга.

Оказалось, что всем своим визитерам и покупателям дядюшка Лик тоже давал прозвища, называл их исключительно так, и категорически запрещал кому бы то ни было произносить вслух свои настоящие имена. Меня он с первой же встречи стал называть сеньор Конти. Я не придавал тогда этому никакого значения, настолько был увлечен встречей и общением, и только позже, порывшись в разных словарях, понял, что дядюшка Лик знал обо мне задолго до нашей первой встречи. Виду, правда, он долго не показывал, присматривался, прислушивался ко мне.

«Я, честно говоря, и не вспомню своего настоящего имени – сказал дядюшка Лик после того, как мы сели за стол. Он налил мне чаю и пододвинул вазу с фруктами. – Меня с самого детства, с подачи одного из моих тогдашних друзей, все звали именно так – дядюшка Лик. Тогда я расценивал это как игру, а потом просто продолжил в нее играть. Это увлекательно и, кстати говоря, так проще запоминать людей. Находишь у каждого отличительную черту в облике, манере поведения и запоминаешь его именно по этим признакам. Согласитесь, это же лучше, правда, чем копить в памяти груду однотипных имен, а потом пытаться вспомнить, какое из них соответствует пришедшему! И никто, заметьте, не обижается: ни месье Лепон, ни сэр Трюз, ни герр Хаупт, все с огромным удовольствием принимают участие в этой игре. Ну, да ладно об этом, скажите лучше, что привело вас к нам в гости?»

Мы проговорили два с лишним часа, а когда солнце опустилось к горизонту, я откланялся, вышел за калитку и направился к остановке рейсового автобуса, которая была минутах в десяти ходьбы от дома дядюшки Лика. Мысли мои были заняты только им, его другом, чудесным садом и загадочной лавкой. Правда, в первый свой визит я даже не заглянул в нее, так что думал я исключительно об этих двух замечательных людях и великолепных фруктах удивительного сада.

Лавка

Заинтригованный рассказами моего институтского товарища об удивительной лавке дядюшки Лика, я предвкушал особенные ощущения в преддверии первого визита. Прикоснуться к реальной истории, редким экспонатам разных эпох, которым они принадлежали, и континентов, откуда были привезены – от такой заманчивой перспективы бедного студента, интересующегося искусством и историей, может отвлечь лишь свидание с любимой девушкой. Но таковой на горизонте не было, так что я с удовольствием принял приглашение однокашника поехать на окраину нашего городка.

Смущало отсутствие денег, а посему и нежелание выглядеть зевакой, но мой товарищ убеждал, что дядюшка Лик рад любому гостю, будь тот покупателем или простым любопытствующим, а в особенности, говорил сокурсник, он привечает студентов, и этот аргумент убедил меня окончательно.

Мы условились встретиться на одной из остановок ранним утром воскресенья, чтобы успеть в лавку до наступления полуденной жары, но мой товарищ так и не пришел. Прождав его битых полчаса под набирающим высоту летним солнцем, я сел в очередной автобус и отправился по адресу, записанному мне на клочке бумаги заботливым товарищем с подробной схемой маршрута от нужной остановки до калитки дома дядюшки Лика.

Попетляв пару десятков минут по пыльным улицам городка, автобус высадил меня за одну остановку до конечной, и я двинулся вниз по узкой дороге, ориентируясь на башню гра-

дирни, возвышающуюся над крышами домов. Дома тут были в основном одноэтажные, дворы утопали в зелени и оттуда доносились звуки журчащей воды, редкие голоса домашних животных и запахи, знакомые каждому обитателю собственного дома.

На улицах почти никого не было, но я знал дорогу по описаниям моего товарища, потому и не спрашивал у редких прохожих ни о чем, хотя меня так и подмывало поинтересоваться, знает ли кто-нибудь из них о существовании лавки дядюшки Лика. Повернув за очередной поворот, я, как и все остальные посетители, увидел прекрасную картину, открывшуюся мне, и прибавил шаг.

Познакомившись с дядюшкой Ликом и мистером Пиком в тот день, и проговорив с ними несколько часов кряду, я ушел, совершенно очарованный общением, так и не заглянув в лавку, как уже сказано выше. Попал я в нее только в следующий приезд сюда, на чем настаивали при прощании оба моих новых друга, и я пообещал приехать к ним в будущее воскресенье.

Через неделю я был встречен так, словно мы были знакомы уже много лет. Усадив за стол, дядюшка Лик с мистером Пиком буквально заставили меня, смущавшегося от столь пристального ухаживания, отведать приготовленные ими блюда. Вкуснейший суп из баранины сменили две пары палочек люля-кебаба и говяжьей печени с прослойками из долек курдючного сала, нанизанные на короткие плоские шампуры, к которым полагался тонко нарезанный лук, сдобренный красным жгучим перцем и уксусом, горячий тонкий хлеб, а также разнообразные овощи, собранные только что с грядки и вымытые в ключевой воде.

После столь сытной и редкой в студенческой жизни трапезы, мы принялись пить чай и разговаривать, причем говорил в основном я, а хозяин со своим другом внимательно и доброжелательно выслушивали меня, задавая короткие вопросы, призванные направить наш разговор в какое-то только им и ведомое русло.

Я поведал дядюшке Лику и мистеру Пику о своем родном городе, откуда приехал на учебу в эти края, о своих родителях, которые были рады отпустить меня, поскольку уживаться нам было все труднее в силу моего непростого, мягко говоря, характера, о факультете, где я учился, о моих увлечениях искусством и историей, и о многом другом. Уже позже, лежа в темноте своей комнаты в институтском общежитии, закинув руки за голову и уставившись туда, где смутно угадывались очертания потолка, я вдруг вспомнил один странный момент в разговоре.

«Нет, даже два» – сказал я сам себе. Каким-то образом, вдруг понял я, они знали о моем институтском товарище. Когда я заговорил о нем, мистер Пик многозначительно посмотрел на дядюшку Лика и одобрительно кивнул головой, словно соглашаясь с чем-то, сказанным ему прежде. Но гораздо больше меня заинтриговало то, что произошло в разговоре позже, да так, что я аж привстал с кровати.

Когда я заговорил про бабушку по папиной линии, которая ушла из жизни за четыре года до моего рождения и собрался было произнести ее имя, дядюшка Лик остановил меня жестом и сказал: «Помните – не называть никого по именам! И перешедших тоже». В тот момент я отнес это замечание на счет известной мне уже прихоти дядюшки Лика, который сам давал имена всем своим гостям, но теперь я оторопел не столько от непонимания того, почему нельзя называть настоящие имена тех, кто уже давно покинул сей мир, а от самого термина, употребленного дядюшкой Ликом – «перешедшие». Во время разговора, как это часто бывает, я не придавал ему особого значения и только теперь вдруг понял, что дядюшка Лик не ошибся говоря так, а сознательно употребил это слово, четко давал понять, что сделал это намеренно.

Посидев так минут пять и немного успокоившись мыслью, что смогу обсудить этот вопрос в будущее воскресенье, я снова лег и уснул в предвкушении очередного визита к дядюшке Лику и мистеру Пику, которые теперь уже представлялись мне почему-то неким единым целым.

Прошла еще неделя и всю ее я прожил в ожидании выходных. В воскресенье я вскочил с раннего утра, быстро совершил все необходимые процедуры, выпил кофе, даже не став делать

своего обычного утреннего бутерброда, зная, что меньше чем через час буду сытно накормлен, и отправился на автобусную остановку. И действительно, прошло каких-то минут тридцать пять, как я уже сидел за знакомым мне столом и плотно завтракал.

Во время продолжительного чаепития я спросил дядюшку Лика, что означал употребленный им термин «перешедшие», на что он, в свою очередь, задал вопрос: «А вы разве не знаете, сеньор Конти?». Я ответил искренним «нет», на том разговор об этом и закончился, поскольку дядюшка Лик предложил: «Не хотите ли зайти в лавку?» И добавил: «Там очень интересно!» Я с готовностью согласился и пошел следом за хозяином по направлению к дверям дома.

В лавке царил полутьма. Жалюзи на окнах были наполовину закрыты, дневной свет падал сквозь них на пол. Закрыв за собой дверь, я некоторое время привыкал к полутьме, а затем увидел стены с полками, на которых размещалось огромное количество различных вещей, тускло освещенных небольшими лампами, и несколько экспонатов больших размеров, стоящих отдельно. Дядюшка Лик взялся быть моим гидом. Вначале он коротко объяснил мне устройство лавки.

– Все помещение условно поделено на четыре части света и если бы вы, сеньор Конти, взяли в руки компас, то увидели бы, что расположение экспонатов в лавке в точности соответствует им. Сейчас, например, войдя в дверь, мы оказались на юге нашей планеты. Следовательно, все, что справа от нас и до середины помещения соответствует той ее части, что простирается, условно говоря, вниз от экватора, направо от Гринвича – до самого сто восьмидесятого меридиана. Другими словами, эта часть лавки называется юго-востоком. Налево, соответственно, юго-запад. От условного экватора лавки к дальней стене простираются те пространства, что мы для себя называем северо-востоком и северо-западом. Я так подробно объясняю вам все это только с одной целью: войдя сюда в каждый следующий визит, вы будете точно знать, где лежит то, что вам интересно на сей раз. Ну, а теперь наслаждайтесь, разглядывайте, читайте – тут есть много удивительных вещей, а я, пожалуй, займусь делами, после чего и пообедаем.

Дядюшка Лик оставил меня одного и это было здорово, иначе я бы занервничал, да и разбил что-нибудь особо ценное. Как выяснилось почти сразу, другого рода экспонатов в лавке просто не было, тут были собраны сплошь артефакты, предметы, стоимость которых исчислялась огромными суммами. Некоторые из представленных вещей были настолько редки, что дядюшка Лик как истинный собиратель не продавал их вовсе. Всего этого я не знал, а хозяин то ли намеренно, то ли по каким-то иным, мне неизвестным, соображениям, не просветил меня в вопросах особенностей многих выставленных тут экспонатов, потому я, поболтавшись по лавке, дошел до дальних правых полок и без всякого пиетета к выставленным редкостям, даже с легким пренебрежением взял первую же попавшуюся мне на глаза вещь.

Это была какая-то совершенно безликая с виду маска с абсолютно гладкой поверхностью, отверстиями для глаз, приклеенными меховыми бровями и усами, треугольным носом и с чем-то похожим на две связки ключей в тех местах, где обычно находятся уши. Я повертел ее в руках, положил на место и только потом прочитал ее описание. Тут же вся спесь с меня слетела – этот предмет оказался погребальной маской давно вымершего племени, которую клали на лицо усопшего с целью запутать его душу, дабы она не могла вернуться в тело. Таких масок было в мире не больше десятка и каждая из них могла принести обладателю целое состояние.

Больше я не позволял себе подобной вольности. Теперь, прежде чем взять в руки экспонат, я прочитывал его описание, закрепленное в рамке на стене, и только потом дотрагивался до очередной редкости, а иногда и не делал этого в силу приписываемой ей особой магической силы.

Масок в лавке было довольно много, и о существовании большей части из них, как, впрочем, и иных редкостей, тут хранящихся, прежде мне не было известно. Предметы быта и культура

давно исчезнувших с лица земли народов, боярская шапка, изготовленная около четырехсот лет назад, подлинный роуч шайенов, принадлежавший какому-то славному вождю, чуть ли не самому «Римскому Носу», книга Джозефа Смита, одна из пяти тысяч изданных первым тиражом, тут были даже второй том Библии Гутенберга и «География» Птолемея, но больше всего поражал воображение громадный том «Птицы Америки».

Вдруг мой взгляд привлек знакомый предмет, даже издавек я его узнал, и двинувшись на запад, прямо в направлении условного Гринвичского меридиана, я приблизился к великой ценности для каждого меломана. На полке стоял «Белый альбом», на конверте которого был проштампован его порядковый номер – 0000005. Подержав в руках уникальный экспонат и промычав несколько фрагментов мелодий, я двинулся на юго-запад лавки, где заметил великолепный образец фаюмской живописи, а еще южнее – несколько фрагментов рабовладельческого корабля, затонувшего несколько веков назад у западного побережья Африки.

Я так увлекся, что перестал наблюдать время, и отвлек меня от созерцания невиданной мною доселе коллекции редчайших предметов разных эпох и сторон света только знакомый голос, вдруг раздавшийся за спиной. Это был мистер Пик, он улыбнулся и протянул мне руку для приветствия.

– На сегодня достаточно, сеньор Конти, у вас впереди еще много времени на эту работу. А теперь пора за стол, негоже нам с дядюшкой Ликом слыть уморителями студентов.

– Как, и вы тут, мистер Пик! – удивился я. – Не ожидал вас увидеть сегодня.

– И зря, я тут практически постоянный гость – ответил мистер Пик со смехом, – Так что, самое время начать привыкать к моему присутствию. Ну, пойдемте, простынет еда.

Мы вышли из лавки и направились в конец виноградной аллеи, где уже был накрыт традиционно великолепный стол.

Покончив с трапезой, мы привычно предались чаепитию, обсуждая увиденные мною в лавке раритеты, и именно тогда я узнал, что среди них есть те, что не подлежат продаже. Мысль о расставании с ними, по словам дядюшки Люка, была для него невыносима. «Кроме того, достать вторые экземпляры некоторых из них просто невозможно» – добавил он.

За столом на некоторое время воцарилось молчание, но оно, к моему великому удивлению и еще большей радости, совсем не было тягостным. Скорее наоборот, мы словно телепатически обменивались мыслями, и в один момент этого общения я как-то интуитивно понял, что настал момент мне задать тот вопрос, что вертелся на языке, но дядюшка Лик меня опередил.

– И где же ваш товарищ, о котором вы говорили нам в прошлый раз, почему его опять нет с вами?

– К родителям уехал на недельку – ответил я. – В следующий раз придем вместе, он отличный парень.

– Мы и не сомневаемся, иначе б и не звали в гости – ответил дядюшка Лик за себя и своего друга, который согласно кивнул на это замечание. – Отлично, будем ждать вас в следующий выходной день.

На этом тема о моем однокашнике была закрыта, мы проговорили еще пару часов, и я уехал к себе, в общежитие. Продолжить обсуждение термина «перешедшие» я так и не решился, но у меня осталось полное ощущение, что вскоре я все об этом узнаю.

Первые открытия

В следующее воскресенье я вновь приехал в гости один, без своего товарища. Он остался погостить в родительском доме еще на несколько дней, но обещал непременно вернуться к следующему воскресному визиту. Дядюшка Лик и неизменный мистер Пик встретили меня как обычно радушно, сытно накормили очередным виртуозно приготовленным блюдом, неказистым на вид, но бесподобным на вкус, и мы приступили к традиционному чаепитию.

– Мне интересно – начал разговор дядюшка Лик, – узнать, культуры каких частей этой планеты вам больше всего интересны? В прошлое воскресенье мы не обсудили первое зна-

комство сеньора Конти с экспонатами, – обратился он к мистеру Пику, словно объясняя свой вопрос, – вот мне и стало интересно.

– Мне, в общем, все интересно, но так, чтобы выделить какую-то... – ответил я и зачем-то разоткровенничался. – Странно самому, но моего интереса к чему-нибудь одному надолго не хватает. Я погружаюсь в тему обычно с головой, увлекаюсь моментально, но быстро выныриваю, и приступаю к другой. Ну, это не значит, что происходит все в течение суток... Правда, бывает и так! – закончил я после некоторого замешательства под общий смех моих собеседников.

– Отлично! Именно то, что я и хотел услышать! – сказал дядюшка Лик, наливая мне чаю и пододвигая поближе корзинку с фруктами. И тут же ошарашил меня следующим заявлением. – Пройдет совсем немного времени, и вы, сеньор Конти, обретете дело всей жизни, я вам обещаю это! Но вам следует пересмотреть отношение к собственному будущему, каким б оно ни было. Вот вы где учитесь?

– В институте, техническом. По диплому буду инженером, если удачно закончу.

– И вам нравится?

Вопрос был совершенно уместен, и мне оставалось только удивляться, как дядюшка Лик умеет угадывать самое сокровенное в человеке.

– Честно говоря, совсем нет.

– Так зачем же вы там учитесь?

Я не знал, что и ответить. Это была чистая правда – учеба вызывала у меня отвращение, я уже смотреть не мог на все эти формулы, схемы цепей и прочую заумь. Но как было рассказать о том, что мои мечты об историческом или литературном образовании, которые я пытался обсуждать в кругу семьи, вызывали каждый раз бурное отторжение.

Через год бессмысленных попыток что-то доказать, к делу моего «перевоспитания» подключились почти все родственники, даже из других городов. Каждый телефонный разговор с дядями или тетями, которые жили за тысячи километров от нас, но тем не менее, как оказывалось, все знали обо мне, обязательно переходил на обсуждение будущего их племянника. Пока говорили родители, я слышал только одну часть разговора, и в их речах звучали фразы о моем непонимании перспектив, о легкомыслии и медленном взрослении. Потом обязательно к телефону подзывали меня, и я слышал в трубке милый голос тетушки или строгий дядюшкин, которые задавали один и тот же вопрос: «Ну, что думаешь делать дальше?»

Вначале я спорил, пытался отстаивать свое мнение, потом стал отделяться единственным словом «учиться», и в конце концов сломался, согласившись на предложение поступать в технический вуз – тот, где на крупной должности некогда работал ближайший папин друг. Его уже некоторое время назад не стало, но имя этого человека было одной из легенд института, потому мне почти и не пришлось страдать при поступлении, зубрить ненавистную математику и физику, как всем тем, кто стремился попасть туда по призванию.

Рассказывать дядюшке Лику и мистеру Пику всю историю своей капитуляции казалось мне позорным, потому я умолк, пытаясь найти нужные слова, чтобы как-то не очень обидно для себя и своей семьи ответить на вопрос. Мои новые друзья тоже молчали. Я уставился в стол, пытаясь справиться с мыслями и время от времени поднимая глаза на собеседников. Они оба ласково и вместе с тем серьезно смотрели на меня, и, казалось, прекрасно все понимали. Не найдя в своей голове никаких подходящих слов, я собрался было уже начать что-то бормотать, но дядюшка Лик вновь опередил меня.

– Родители часто направляют своих детей в обход прямой дороги, и мало кто потом возвращается на нее. Но это не их беда, поверьте, сеньор Конти, почти все родители искренно хотят помочь, только не понимают, что жить не им. И поверьте, считать все то что с вами случилось трагедией я бы не стал, поскольку вам еще предстоит узнать и увидеть своими глазами, что означает это слово.

Я вздрогнул, не понимая, о чем он говорит, но дядюшка Лик только усмехнулся, поднялся и отошел к хаузу. Я удивленно взглянул на мистера Пика, сидевшего по левую от меня руку, но тот лишь успокаивающе кивнул, похлопав ладонью по моему колену. Дядюшка Лик тем временем достал из сетчатой конструкции стеклянную бутылку с каким-то лимонно-зеленым напитком, вернулся к столу, разлил жидкость по стаканам и жестом предложил мне его попробовать. Затем он сам сделал глоток, после чего с удовольствием взглянул на мое восхищенное лицо – напиток был великолепен – и продолжил.

– Все экспонаты в нашей лавке – это свидетельства человеческих трагедий. Нет ни одного, чья история возникновения могла бы показаться кому-нибудь веселой или хотя бы позитивной. Даже те, что служили человеку добрую службу, были созданы в результате бесчисленной цепи трагедий. Вы, я знаю, интересуетесь историей и потому должны прекрасно меня понимать. Все полезное, что создано на всем протяжении существования рода человеческого, было результатом отчаянного желания быть сильнее, чем сосед. И обязательно наступал тот «прекрасный» момент, когда, почувствовав свое подавляющее преимущество, некто переступал порог соседского дома, чтобы сказать: «Теперь ты будешь делать только то, что я скажу».

Уже второй раз за сегодняшний день я был удивлен таким качественным переходом в наших беседах. Оба прошлых визита давали мне, конечно же, повод думать, что дядюшка Лик с мистером Пиком люди не просто очень образованные, но и чрезвычайно умные, даже мудрые, но я все равно никак не ожидал, что переход будет столь стремительным. Только много позже я понял, что моих новых друзей подгоняло само время – у них его просто не оставалось. Я много еще чего понял впоследствии, а теперь дядюшка Лик продолжал.

– Я знаю, сеньор Конти, вы давно уже готовы к этому разговору, просто у вас не было нужного собеседника, а правильнее сказать, вы уж простите мое самомнение, наставника. Теперь есть, и их даже двое. Впрочем, в вашем праве отказать нам, но я почему-то уверен, что попал в «десятку» выражая наше общее с мистером Пиком мнение. Что скажете?

Они оба смотрели на меня, а я опять не мог сказать ни слова. У меня так бывает, как у любого впечатлительного человека. «Да! – хотелось мне крикнуть. – Именно об этом я и мечтал!» Не веря своим ушам и глазам, застигнутый врасплох, я не мог выдавить из себя ни одного звука и только широко открытыми глазами глядел то на одного, то на другого моего собеседника, пытаюсь справиться с вихрем мыслей в голове.

Я и вправду был готов, и не только к разговору. Всеми силами пытаюсь найти смысл в том, что делаю каждый день, и не справляясь с этой задачей, я затевал беседы с моими однокурсниками, даже с преподавателями, стоило только мне увидеть проблеск интереса ко мне с их стороны. Многие пытались поддержать разговор, вначале искренне интересуясь моими мыслями, но их внимание всегда отвлекалось на что-то более осязаемое – на девушек, выпивку, гулянки, танцы, занятия. Что ж, я понимал, да и сам был не чужд веселью, вот только с девушками как-то не очень получалось, мы никак не могли найти общего языка, а лезть с приставаниями, подобно многим моим знакомым, я стеснялся. Думаю, в половине случаев это мое неумение сделать первый шаг как раз и приводило к фиаско, в остальных же не покидало ощущение, что мы говорим на разных языках, словно иностранцы. Только две мои знакомые выбивались из этого плотного ряда, и мы даже провели некоторое время с каждой из них, но в итоге все отношения прекратились.

Все эти мысли пролетели в голове за какие-то мгновения и вид у меня был в это время, надо полагать, довольно странный. Хотел бы я посмотреть на себя со стороны, но теперь это с явным удовольствием делали дядюшка Лик и мистер Пик. Вернувшись в реальность, я хотел было уже выкрикнуть «конечно!», но не успел.

– Ну и прекрасно! – сказал дядюшка Лик. – Мы и не сомневались! Я продолжу, с вашего позволения, мне необходимо донести до вас, сеньор Конти, простую мысль. Подумайте вот над чем и спросите у себя – пытался ли кто-нибудь хоть раз соединить в одно целое весь

набор банальных сентенций, от которых уже давно принято морщиться, дабы составить простую, то есть, столь же банальную формулу бытия, выраженную в нескольких словах? Проще говоря, может ли кто-нибудь продолжить фразу «Жизнь – это...» так, чтобы удовлетворить всех? Ответ на поверхности – категорическое нет. А почему, спрошу я вас, ведь это так просто, надо сделать лишь одно умственное усилие для понимания. Только одно, заметьте, всего лишь одно. А сколько же слов и текстов по этому поводу сказано и написано! Тут приложились всем известные великие мыслители, да и совсем неизвестные, но не менее великие, а вместе с ними художники, музыканты, даже математики с физиками. Но все тщетно, простого ответа нет. А почему, спросите вы, и я вам отвечу – потому что вопрос поставлен в корне неверно.

Любой человек начинает отвечать, пытаюсь расшифровать – это странно, но так и есть – всего лишь слово «это», и начинает выдумывать смыслы. Появляются многостраничные трактаты и бесконечные философские умозаключения, расчеты ученых, результаты опытов биологов и медиков, и все потому, что человек, приступая к ответу, не отвечает на вопрос и не ищет решения, а как бы заявляет всему миру: «У меня спросили, и я сейчас отвечу! Видите, меня заметили, моим мнением интересуются, мое мнение очень важно». И говорит он, вот что интересно, не с кем-то посторонним – тот мир, к которому направлено это обращение, он сам и есть. Перед самим собой хвастается, пытаюсь одержать хотя бы локальную временную победу над тем существом, которое живет внутри него, и с кем у него непрекращающийся конфликт. Это его краткий миг триумфа! Но он никогда не поймет, что тот, второй, когда-то был с ним единой сущью, он даже вспомнить не сможет того момента, когда вдруг стал его замечать внутри себя. Я уж не говорю о тщетности попыток вспомнить момент рождения этого второго.

Дядюшка Лик прервался, встал и отправился к хаузу за очередной бутылкой прохладного лимонада. На сей раз он был розового цвета, но не менее вкусным, чем тот первый. Увлеченный рассуждениями хозяина лавки, я с нетерпением жаждал продолжения и настолько был поглощен словами дядюшки Лика, что даже не заметил, как мистер Пик встал и направился в глубину сада.

Дядюшка Лик сел на свое место напротив меня, пододвинул к себе пепельницу, достал скрученную сигарету и закурил. У табачного дыма вкус был какой-то особенный, словно кто-то зажег неподалеку палочку с благовониями. Он жестом пригласил меня составить ему компанию, пододвинув портсигар, но я отказался с благодарностью. Сделав с наслаждением пару затяжек, дядюшка Лик продолжил.

– Так вот, возвращаясь к формуле. Если вопрос поставить корректно, сформулировать его как вопрос, а не предложение порассуждать о чем-то «этом», то он будет звучать так: «Жизнь – она чья?» Как только вы услышите этот вопрос, вы на него ответите очень просто: «Жизнь – моя!» Простите за длинную тираду, сеньор Конти, но вы еще их много услышите, а потом, в свое время, и сами станете рассказывать, а пока я беру на себя эту обязанность.

Все это я рассказал только с одной целью – объяснить вам, что лежит в основе заблуждений всех без исключения родителей насчет будущего своих чад. Они процесс воспитания видят только в том, чтобы объяснить суть этой жизни своим детям, сами ее не понимая. Но однажды каждый родитель услышит в ответ: «Это моя жизнь!», вечными нравоучениями подтолкнув своего ребенка к пониманию простейшей истины. Но все же наоборот должно быть, ведь это родители должны объяснять детям сызмальства, что те жить будут исключительно своей жизнью, в которой будут не выдуманные или вспоминаемые кем-то, пусть даже и любимыми мамой и папой, трудности, переживания и сложности, а совершенно другие, определенные судьбой именно тому конкретному человеку, который до поры зовется их ребенком.

Тут вернулся мистер Пик, неся в руках большую металлическую миску с крупно нарезанными кусками мяса, поверх которых лежали чищенные и вымытые лук с морковью, и прервал нашу беседу.

– Не пора ли нам заняться приготовлением ужина. Сегодня мы немного припозднимся, но вы же сказали сеньору Конти, что он приглашен переночевать здесь? – спросил он, обращаясь к дядюшке Лику.

Я удивленно посмотрел на дядюшку Лика.

– Нет, не успел, но делаю это сейчас. – И обращаясь ко мне, со смехом добавил. – Теперь вам уже известно об этом предложении, и я почему-то уверен, вы согласитесь. Тем более, программа сегодняшнего вечера еще далеко не закончена, и вам, сеньор Конти, предстоит увидеть кое-что весьма удивительное.

Я был счастлив принять приглашение. В институте наступила пора сессии и торопиться к первой паре было не нужно. Только я подумал об институте, как тут же услышал голос дядюшки Лика.

– Кстати, – сказал он, – Вам нужно подумать, стоит ли продолжать мучить себя совершенно неестественным способом, изучая ненавистные предметы в этом институте. Вам важнее не терять времени на пустое, а заняться тем, чем сами предпочитаете заниматься.

В казане, возле которого колдовал над продуктами мистер Пик, заворчал мясо, опущенное в раскаленное масло, и мистер Пик принялся мелко нарезать лук с морковью. В хаузе, в сетке для напитков, плавали крупные розовые помидоры, пупырчатые огурцы и зеленый тонкокорый болгарский перец, а на столе стояла большая миска с круглым рисом, залитым водой. Голода я никакого не ощущал, все еще находясь под впечатлением навалившихся на меня сегодня открытий, но, как и пообещал дядюшка Лик, это было только началом.

Сидя в удобном плетеном кресле у стола, я попивал вкуснейший розовый лимонад, иногда отрывая от кисточки «дамского пальчика» ягоду и отправляя ее в рот, наслаждался прохладой, царившей тут, и любовался красотой сада. Первое ошеломление от всего услышанного прошло, я только начал успокаиваться, как минут через пять дядюшка Лик предложил мне прогуляться с ним на задний двор.

Монах

Я стоял у края смотровой площадки, очарованный грандиозной перспективой. Как только мы с дядюшкой Ликом миновали заросли матёрки, масштаб картины, внезапно открывшейся взору, просто подавил меня. Вот уже полчаса, не в состоянии оторвать глаз от вида ущелья и держась за поручни ограждения, я впитывал это великолепие, и все мое существо желало только одного – остановить время, чтобы этот момент наслаждения не заканчивался.

Я вглядывался в синеющие вдалеке горные вершины, и казалось, лечу над дымкой, покрывавшей лес, поднимаюсь над белыми шапками вершин и могу даже зачерпнуть в ладонь искрящегося снега. Вдруг нахлынуло острое чувство, что не хочу отсюда никуда уходить, хочу остаться здесь навсегда и предаться созерцанию, сделавшись монахом.

Дядюшка Лик меня не беспокоил. Он сидел в плетеном кресле, курил самокрутку с табаком уже какого-то ванильного вкуса и попивал лимонад, бутылку которого прихватил с собой.

– Это невероятно, дядюшка Лик, – сказал я, изможденно плюхаясь в соседнее кресло, совершенно обессилив после такого бурного всплеска эмоций, – Просто фантастика! Что за прекрасное место у вас тут!

– Да, согласен, оно прекрасно! – ответил дядюшка Лик, наливая мне в бокал лимонаду. – Я, честно говоря, и сам не перестаю любоваться сколько уже лет. И когда думаю о моменте расставания с этим местом, только и печалюсь о том, что потеряю возможность наслаждаться удивительным видом.

– Как «расставания с этим местом»? – удивился я. – Разве это не ваш дом и земля?

Дядюшка Лик замолчал ненадолго, словно обдумывая продолжение разговора. И это было так – он знал, что сегодня скажет мне нечто такое, после чего моя жизнь изменится навсегда, но для него, искушенного и мудрого человека, знатока человеческих душ и носителя

громадного опыта взаимоотношений между людьми, этот момент в жизни был таким же поворотным, как и для меня.

Вскоре все, что было вскользь сказано дядюшкой Ликом и мистером Пиком во время наших предыдущих немногочисленных встреч, сложилось в единую картину, а жизнь моя навсегда изменилась. А пока я продолжал удивленно и несколько встревоженно смотреть на дядюшку Лика, ожидая ответа на мой вопрос. В голову лезли всякие нехорошие мысли, например, о тяжелой болезни хозяина, хотя об этом нисколько не говорил его цветущий вид, румяное лицо и розовые ногти, которые по уверению моей бабушки были главным индикатором состояния здоровья.

А вдруг, думал я, его разыскивают и вот настал час – за ним уже едут, чтобы запрятать пожизненно за решетку, но при этой мысли кто-то внутри меня громко засмеялся, да так, что чуть не упал под кресло, утянув за собой и меня. Это было странное и какое-то новое ощущение, но я не успел разобраться со всеми этими чувствами, поскольку заговорил дядюшка Лик.

– Думаю, вы уже поняли, сеньор Конти, что сегодня день особенный и этот наш разговор тоже особенный – начал дядюшка Лик, затушив сигарету в пепельнице и сделав глоток лимонада. – Суть того, что я вам сегодня скажу трудно осознать вот так, слету. Поверьте, я когда-то был на вашем месте, и был я тогда таким же бедным и мятущимся в поисках смысла всего сущего студент. И так же, как и мне тогдашнему, вам понадобится довольно много времени, чтобы осознать все сказанное, пройти подготовку и стать тем, кем вам предстоит стать после этого разговора. Поверьте, сеньор Конти, скоро, совсем скоро вы поймете насколько велика та миссия, которая будет на вас возложена и осознаете – все ваши метания и поиски были совсем не напрасны. А пока давайте я вам расскажу одну историю! Помните, – продолжил дядюшка Лик со смехом, – я же предупреждал, что вы услышите еще много разных историй!

Странно, что слушая собеседника, я все больше и больше успокаивался и меня совсем уже покинуло волнение. Поначалу, говоря честно, я не на шутку испугался. «Кто он такой? – думал я. – Странно как-то говорит». Но постепенно страх уходил и его место занимало совсем не юношеское любопытство, так свойственное людям моего тогдашнего возраста, а чувство уверенности и какого-то неведомого мне прежде спокойствия. Надо полагать, что эти внутренние изменения внешнему наблюдателю тоже были заметны, что я понял по глазам дядюшки Лика, приглядывавшегося ко мне с явным выражением удовлетворения на лице. Наконец он, достав из портсигара еще одну сигарету, закурил, и отпив из стакана лимонно-зеленого лимонаду, начал свой рассказ.

– Тут неподалеку есть монастырь. Старинный, заложенный почти шестьсот лет назад. Жила там братия своей обычной жизнью, в трудах и заботах повседневных, и был среди них один молодой еще совсем человек, мучительно переживавший непонимание собственного предназначения. Он днями и ночами молил Господа, чтобы тот открыл ему глаза, дал понять к чему он предназначен, в чем состоит его служение. Одних молитв и повседневной тяжелой работы по хозяйству ему было мало, он был уверен, что в его силах настоящими делами нести людям истинное слово Божье, а не рутинными заботами общины.

Не было среди братии более истового монаха, старающегося всеми силами понять свое предназначение в этом мире и принять путь, лишь ему предначертанный свыше. Послушание и тяжелый труд – все, чем он жил, но огонь, горевший внутри, не давал ему успокоиться. Он смотрел на братьев, на лица которых было написано полное спокойствие и умиротворение, и не мог понять, что с ним, почему он не такой, но ни в коем случае никого не осуждал. Гордыня была его главным врагом в земной жизни, воплощением темноты и гибели души, а все монахи – братьями, которых он искренно почитал и любил. Но не было ему успокоения, хоть наш герой и молил о нем ежедневно.

Рассказ дядюшки Лика ненадолго прервала какая-то пигалица размером с воробья, прилетевшая и усевшаяся на перила ограждения. Она дерзко осматривала нас маленькими чер-

ными глазками, поворачивая свою ярко-красную голову то влево, то вправо, словно пытаюсь оценить возможный итог сражения, но вскоре потеряла всякий интерес, повернулась к нам своей красно-бурой спиной и завела свою песнь, похожую больше на свист мальчишек, зовущих друг друга гулять.

Еще некоторое время поразвлекав нас своими трелями, птичка резко оттолкнулась своими короткими ножками и моментально исчезла в зарослях непроходимого кустарника, ограждавшего задний двор слева и справа от частокола и тянувшихся на несколько десятков метров в обе стороны. Закурив уже в третий раз за последний час, дядюшка Лик продолжил свой рассказ.

– Монашеская жизнь довольно однообразна, день ото дня и год от года мало чем отличаются. Наш молодой монах превратился уже в зрелого человека, но ответ ему все не приходил. Настоятель, знавший об устремлениях своего подопечного, давал ему всяческие поручения, тот выполнял их с предельным тщанием, но огонь внутри не гас, продолжал гореть. Он уже почти перестал улыбаться, все больше замыкаясь в себе, но однажды судьба подарила ему встречу со старцем, приехавшем в монастырь приложиться к мощам святого, которые тут покоились.

Воспользовавшись представившимся случаем, наш монах напросился к старцу на разговор и излил ему свою печаль и заботу. Старец внимательно слушал, а потом и сказал своему просителю, что тот зря к нему пришел, поскольку все, что он может сделать, это дать совет: искать слово Божье вовне – занятие пустое, ответ внутри каждого из нас. Но, пожалуй, добавил старец, улыбнувшись в седые усы, я дам тебе, сын мой, еще один совет, ценностью не превосходящий первый, но ты его запомни. Жди, сказал старец, и тебе будет уготована встреча, после которой ты поймешь к чему были все твои нынешние метания.

Совершенно растерянный и вместе с тем полный надежды, монах вышел из кельи старца, спустился по каменной лестнице во двор монастыря и поспешил к вечерне. Храм был полон народу, основную массу которого составляли привычные всем старушки в белых чисто выстиранных платочках, внимавшие словам священника, покупавшие самые дешевые свечи и обсуждавшие с батюшкой, работниками, друг с другом свои печали и семейные заботы.

Одна из таких старушек на третий день после беседы со старцем подошла к монаху, поклонилась и попросила разрешения изложить свою просьбу. Просьба была не совсем обычной: старушка рассказала, что живет неподалеку, в своем доме, а в соседнем умирает одинокая глубокая старуха, и не мог бы батюшка придти и причастить ее перед смертью.

Монах сказал, что конечно сможет, записал адрес и направился напрямик к настоятелю, испросить разрешения, которое и было получено. На следующий день он совершил обряд причащения в доме у старушки, которая, судя по всему, была уже совсем близка к последнему вдоху. Монах попросил соседку сообщить ему, как только старушка отойдет, а через два дня вновь увидел во дворе храма знакомую фигуру, явно кого-то ожидавшую, и сразу все понял. Он попросил старушку подождать немного, отправился к настоятелю и испросил разрешения проводить одинокую старушку в последний путь по-христиански. Настоятель дал свое благословение, и даже вручил ключи от старенького грузовичка.

Монах сделал все, как положено, начиная от получения справки о смерти и кончая вырытой могилой в согласованном с администрацией месте на кладбище. В мастерской монастыря изготовили дешевенький гроб с деревянным крестом, и на следующий день к вечеру вместе с соседской старушкой они предали тело земле. Монах прочитал молитву, отвез старушку до дому, вернулся в монастырь, помолился и уснул.

Утро следующего дня началось с обычных забот – молитва, трапеза, работа по хозяйству. Лишь одним отличалось это утро от тысяч предыдущих, но монах понял это не сразу, а только после вечерни, когда к нему подошли две старушки со стариком и, глядя с благодарностью, вознесли хвалу Господу за то, что теперь спокойны за себя. Монах выслушал стариков, тоже

ответил им словами благодарности, и вдруг осознал – он наконец успокоился. Внутри царило умиротворение. И не было никакой радости, а была благодарность Господу за то, что направил на путь служения. Но вскоре нашему монаху были ниспосланы испытания, вынести которые не всякому человеку под силу.

Прошло не меньше полугода с того ноябрьского дня, а монаха знала уже вся округа. Порой он почти не спал ночей, колся по проселочным и даже городским дорогам на стареньком грузовичке, который благосклонно отдал ему в пользование настоятель. И каждый раз, похоронив очередного преставившегося и прочитав над холмиком с деревянным крестом молитву, он чувствовал невероятное удовлетворение.

И вот однажды к нему пришли испуганные прихожане, нестарые еще люди, и сообщили тревожную новость – в их маленьком городке уже третий день нет электричества. Стояла середина июля и все бы ничего, но в городском морге плюс ко всему перестал работать генератор, и сотрудники отказывались выходить на работу. Монах, испросив благословения у настоятеля, отправился туда, откуда пришла печальная весть.

Целый день, с утра и до вечера, повязав платок на пол-лица, он обмывал и обряжал тела десятка покойников, укладывал их в гробы, грузил на борт и отвозил на местное кладбище. Когда последнее тело было предано земле, он вернулся в морг, вооружился ведром, тряпками и моющими средствами, до самой поздней ночи отмывал и проветривал помещение, пока наконец почти не исчез ужасный смрад начавших уже разлагаться тел. Закончив работу, он вышел на улицу, лег в кузов грузовичка и ненадолго уснул, совершенно обессиленный.

С тех пор не было более благословляемого человека среди паствы. За него молились, ставили свечки, старались нарочно его увидеть в храме, чтобы лишний раз сказать этому святому, как все прихожане теперь считали, слова искренней благодарности и поцеловать руку. А монах порой еле стоял на ногах, настолько много было у него просьб. Трагические вести приходили теперь даже из самых отдаленных районов, так что он порой на дорогу туда и обратно тратил времени несравнимо больше, чем на все заботы с похоронами.

И вот однажды всех жителей округа облетела страшная весть – где-то на проселочной дороге, в кювете, был найден перевернутый и искореженный грузовичок, в котором нашли тело нашего монаха. Он просто заснул за рулем, возвращаясь из очередной траурной поездки.

Начало пути

В полном молчании мы с дядюшкой Ликом просидели почти час. Я был потрясен его рассказом. Лицо монаха, которого я не видел никогда, да и не мог видеть, стояло перед моим мысленным взором так явно, что казалось только протяни руку и сможешь до него дотронуться. Вместе с тем я точно понимал, что рассказ этот был выбран дядюшкой Ликом сегодня неспроста, и эта мысль не давала мне покоя.

К концу часа молчания, когда впечатление стало потихоньку ослабевать, предчувствие продолжения разговора, который, я точно это знал, решит мою судьбу раз и навсегда, привело меня в чрезвычайное напряжение. Я даже с молчаливого согласия хозяина взял из портсигара сигарету и закурил, громко закашлявшись с непривычки, да так, что на глазах выступили слезы.

День клонился к закату, солнце почти приблизилось к кромке леса, и эта картина была еще более величественной, чем та, что я впервые увидел сегодня. Момент был под стать, что и говорить.

– Да, вы все правильно понимаете – вдруг сказал дядюшка Лик, – Я неспроста выбрал сегодня именно этот рассказ, и продолжение у него есть. Сегодня ваша судьба изменится раз и навсегда, но я вас заверяю, что узнав обо всем, вы вскоре испытаете то, что принято называть счастьем. Так что, успокойтесь, пожалуйста, и пойдёмте в сад. Мистер Пик наверняка уже приготовил ужин и ждет нас.

Только мы поднялись с кресел, как на поручни ограждения смотровой площадки снова села та же красноголовая птичка. Мы с дядюшкой Ликом рассмеялись, глядя на нее, а это задиристое и бесстрашное создание вновь принялось нас разглядывать, поворачивая голову направо и налево. В ее взгляде так и сквозило торжество победителя и читалось что-то типа «нет, все-таки надо было их проучить». Мы повернулись и стали удаляться, и тут пигалица принялась громко посвистывать, торжествуя оповещая, надо полагать, всю округу о своей победе.

Мистер Пик и вправду сидел за столом в конце виноградной аллеи, попивая чай, мы к нему присоединились, но я со все нарастающим нетерпением ждал продолжения самого важного в моей жизни разговора. Но мистер Пик предложил не торопить события, вначале поужинать и уж затем приступить к важным делам.

У меня чувство голода отсутствовало напрочь, мне хотелось поскорее узнать все, понять, кто я такой, в чем мое предназначение, о котором начал говорить мне на заднем дворе дядюшка Лик, но я не стал возражать и не пожалел об этом.

Наконец посуда со стола была убрана, мы приступили к чаепитию, дядюшка Лик закурил скрученную сигарету, и я последовал его примеру. С этого дня, надо сказать, я и закурил.

Плотный ужин подействовал на меня умиротворяюще, внутреннее напряжение спало, чему во многом способствовали две рюмки вкуснейшей настоянной на травах водки, выпитые нами. Но вот дядюшка Лик продолжил начатый на заднем дворе разговор, а мистер Пик только изредка вставлял короткие реплики, порой очень тонко остроумные.

– Начну с неприятного известия, но это очень важно понимать нам всем – сказал дядюшка Лик. – Этот дом видит последних из нас, и после вынужденного окончания вашей миссии тут, сеньор Конти, он будет просто продан одному из постоянных посетителей нашей лавки. И этот выбор предстоит сделать вам.

При этих словах я удивленно посмотрел на мистера Пика, пытаясь оценить серьезность услышанного только что заявления, но тот лишь утвердительно кивнул головой, с грустью произнес: «Да, к сожалению, это так».

Я совсем перестал понимать происходящее. Еще во время подготовки к ужину и самой трапезы я передумал многое, но ни к какому выводу не пришел, да и не мог придти, поскольку то, что мне открылось позже, представить себе было просто невозможно.

«Так, – думал я в тот момент, – Мне предстоит какая-то работа, и это совершенно ясно. Хозяин лавки и его друг весьма состоятельны, но при этом чрезвычайно скромны в своих материальных проявлениях, да и домишко не очень-то богато выглядит, мягко говоря. Но почему-то все окутано завесой тайны. И какое я имею ко всему этому отношение. Так, соберись! Либо это какое-то тайное общество, либо что-то связанное с криминалом. Судя по внутреннему содержанию лавки, это можно предположить, но обе эти версии как-то не вяжутся с обликом хозяина и его друга, а самое главное – с моим характером. Я уж точно не бандит и не масон».

В этот момент, помнится, опять какой-то тип внутри меня громко рассмеялся. Я вздрогнул, чуть не выронив из рук чашку с чаем, испуганно взглянул на дядюшку Лика. Тот понимающе улыбнулся, глядя на меня. Я перевел взгляд на мистера Пика, и он тоже смотрел на меня с улыбкой. Однако после того, как мистер Пик поставил на стол приготовленное на мангале мясо и налил в рюмки водку, я на время забыл о произошедшем, и вот теперь вспомнил эти мои рассуждения. Как и предполагалось, никакой пользы от них не было.

– Все гораздо серьезнее, сеньор Конти, – продолжил дядюшка Лик, – Мы занимаемся несравнимо более важными делами, чем контрабанда предметов искусства или заговор с целью мирового господства. Будь это так, мы бы нашли более подходящих людей на роль своих помощников. Причем, и это очень печально, сегодня мир людей предлагает, как, впрочем, и всегда предлагал подобный «товар» практически в неограниченном количестве. Но вы, сеньор Конти, один из тех немногих представителей рода людского, каковых сегодня по всей планете

насчитывается ровно дюжина. Плюс еще дюжина их помощников, итого – две дюжины. Два представителя этих двух дюжин, исключая вас, в данный момент сидят за одним с вами столом, а когда-то нас было на Земле от трех сотен до тысячи в разные времена. Но эксперимент близится к завершению, а с его окончанием и наша миссия тут будет закрыта. На первом этапе количество ваших коллег сократится вдвое, вас останется шесть пар, а потом и вы, вместе с вашим помощником, а с вами и остальные покинут это благословенное некогда место.

– Но кто же это такие, кто эти «мы», и что за миссия нам всем предназначена? – Не выдержал я. – И куда мы потом все денемся? Простите, мне трудно сдерживаться и строить умозрительные версии, и вы должны меня понять! Ведь все это, в конце концов, меня касается, и я хочу знать, что ждет меня впереди, какого рода миссия мне предстоит, куда мне предстоит отправиться в тот день, когда придет, как вы сказали, пора покинуть это место!

Дядюшка Лик и мистер Пик терпеливо выслушали мою взволнованную тираду. По ее окончании мистер Пик предложил мне лимонаду и вступил в разговор.

– И правда, дядюшка Лик, мне кажется стоит уже посвятить сеньора Конти в курс дела, чтобы он с предельной ясностью представил все величие задачи, которую выполняли на протяжении веков его предшественники. Тем более, что ему, одному из немногих, придется взять, так сказать, последний аккорд в нашем деле тут. А вас прошу больше не нервничать, – обратился он ко мне и со смехом продолжил – Пора начать уже прислушиваться к своему внутреннему голосу и советоваться с ним, а не ждать его бурной реакции на ваши сомнения и беспочвенные предположения.

Эксперимент

– Ну хорошо, – сказал дядюшка Лик – Будь по-вашему. В свое оправдание хочу сказать только то, что для меня, сеньор Конти, это первый опыт передачи дел продолжателю, потому и не судите строго. Я конечно знаю, что нужно делать, инструкции мне известны, но это, пожалуй, единственный вид из всего многообразия человеческих отношений, где у меня опыт одностороннего порядка. Я хочу сказать, что был в свое время продолжателем, но предшественником, передающим дела, никогда. Ну, а теперь к делу!

Дядюшка Лик закурил сигарету, налил себе чаю, предложил и нам с мистером Пиком, помолчал немного, после чего я услышал удивительнейшую историю, одним из последних действующих лиц которой мне предстояло стать.

В голову пришла глупейшая мысль, словно я сам себя представлял главным героем некоего фильма, в титрах любого из которых пишут сначала «В главных ролях», потом просто «В ролях» и только в конце – «А также». Я не льстил себе мыслью о первом титре, но в перечне второго уж точно должно было быть имя сеньора Конти, подумал я, и тут же с удивлением обнаружил, что назвал себя именно этим именем, а не тем, что было мне присвоено при рождении.

«Почему так? – отчетливо спросил я, руководствуясь советом мистера Пика, как бы самого себя, и услышал в ответ столь же отчетливо – Потому что так правильно!» «Ну и отлично, будет с кем поговорить в одиночестве, – подумал я в следующее же мгновение, и вновь услышал ответ. – Так всегда и было». «А одному мне теперь получится остаться?» – спросил я тут же и услышал голос дядюшки Лика, который предложил мне пока остановиться, поскольку, как он сказал, «с этим старым новым знакомым вы еще наобщаетесь», и начал очередной свой рассказ.

– Любой человек хотя бы вскользь, но знаком с теорией Дарвина. Можно сколько угодно ею увлекаться, но необходимо знать, что сам автор этой теории никогда не был атеистом, скорее агностиком. Должен сказать, теория прекрасна и в отдельных частных случаях вполне имеет право на существование, но только при условии, что вы закрываете глаза на присутствие некоторых экспонатов в разных музеях мира, секрета появления которых на этой планете не знает никто из живущих.

Многие ученые так и делают – просто исключают эти факты из поля своего зрения и доказывают всем остальным, что и тем незачем увлекаться оными. А как иначе им действовать, сталкиваясь с доказательствами, опровергающими теорию самопроизвольного зарождения жизни! Ну, и чтобы не тратить время попусту на доказательство пока еще не столь очевидного для вас факта, сеньор Конти, обращаю ваше внимание только на некоторые яркие обстоятельства в подтверждение моих слов.

Вполне уместный вопрос о теориях религиозного свойства, прошу заметить и оценить эту мою уступку, принимаю с легкостью, и вот почему. Возьмись мы суммировать постулаты каждого из пока существующих культовых течений, не исключая даже самые маргинальные из них, на выходе получили бы некий особый вектор, который соотносится с научными выкладками ровно так же, как пара параллельных прямых между собой. Ну, или, если хотите, параллельных, но направленных в разные стороны, и в этом случае иных доказательств, кроме аргумента о спиралевидной форме Вселенной никаких больше и требуется.

Что же касается параллельных и направленных в одну сторону векторов, то, как ни крути, но согласно пятому постулату Евклида, а также более поздним множественным доказательствам, в том числе и опровержениям ученых всех времен, начиная с трудов Птолемея и Прокла, Ибн аль-Хайсама или всем известного благодаря философским стихам, авторство которых доподлинно не установлено, Омара Хайама, и кончая работами Саккери с аксиомой Лобачевского, прямые все непременно пересекаются в бесконечности. А поскольку мы, каждый из нас, и есть та самая бесконечность, то все разногласия, пусть они и делятся веками и тысячелетиями, в конце концов, обязательно приведут к одной точке. Той, где окончится очередной период существования действительности и начнется новый.

Что сказать, величайшие ученые верили если не в Бога, то во что-то такое, чего описать и осознать не в состоянии, понимая беспочвенность попыток охватить сознанием все величие открывавшейся перед ними картины, и многие из них приходили к подобным выводам никак иначе, чем путем научных изысканий. Эйнштейн, Планк, Ньютон, Декарт, Коперник, Ломоносов, я уже не говорю о представителях более ранних времен. Ну это так, прелюдия, хоть она и необходима для понимания моего последующего рассказа.

Та работа, которой я тут занимался на протяжении долгих лет, была частью грандиозного эксперимента, который будет продолжен и который есть составная часть общего и еще более грандиозного опыта. Вы, сеньор Конти, смените меня и станете куратором шестого этапа. Не последнего, повторюсь, хотя в пяти предыдущих пришлось уничтожать от пятидесяти до почти ста процентов того, что было создано. И теперь предстоит нечто подобное, правда сегодня ситуация в корне отличная, и теперь наша задача – спасти тех немногих, кому удалось сохранить себя в первоначальном виде в процессе этого этапа эксперимента, как почву для возможного продолжения работ на седьмом витке.

Именно эту работу в последние несколько десятков лет выполняли мы с мистером Пиком, теперь же ее предстоит продолжить вам и вашему помощнику. Не перебивайте вопросами, пожалуйста, все узнаете в свое время! Понимаю, что вам весьма любопытно о каком это эксперименте я уже несколько раз упомянул, но позволю себе некий исторический экскурс прежде чем приступлю к подробностям нашего проекта.

Несколько миллиардов лет понадобилось на то, чтобы создать максимально комфортную среду для существования вида, ради которого все и затевалось. Когда я упоминаю эти невероятные цифры, я говорю о земном исчислении. Всего лишь оглянувшись назад, легко понять, насколько просто упомянутые несколько миллиардов лет укладываются в вашем сознании. Представьте, что кто-то держит один конец рулетки у дальней стены, а другой ее конец у вас в руках, всего в каких-то нескольких метрах, и на этой шкале отложено все, что происходило за эти миллиарды лет. Вот приблизительно подобным образом и течет время в других измерениях.

Итак, на этой умозрительной шкале мы с вами увидим все этапы проведения эксперимента, от создания исходных форм до появления тут того, кто назвался человеком. Углубляться в попытки понимания причин всего этого великого действия я бы не советовал, впрочем, вы не послушаете меня и все-таки станете размышлять над этим, но я должен предупредить, что это выше нашего понимания.

Я в конце концов прибегнул к одному из тех самых постулатов религиозного свойства, в котором утверждается, что все мы созданы «по образу и подобию», из чего сделал вывод: стремление к радости суть наша жизнь, а кто может дать ее в большей степени, чем дети, их воспитание и счастье наблюдать за их успехами! На этом и остановился. Примите совет, а там как знаете.

«А не пригубить ли нам коньяку? – вдруг прервал свой замысловатый монолог дядюшка Лик, обращаясь в мистера Пикю. – Я вижу нашему юному другу нужно некоторое время на осознание всего сказанного». Тот с готовностью согласился, ушел куда-то вглубь сада, послышался звук скрипнувшей дверцы, после чего мистер Пик вернулся, неся в одной руке пузатую бутылку, на бежевой этикетке которой были изображены две горные вершины и что-то написано необычным прямоугольным шрифтом, а в другой три бокала. Напиток был темно-коричневого цвета и его густой аромат удивительным образом наполнил часть открытого пространства под виноградной аркой, немного поколыхался там и постепенно растаял. Я сделал маленький глоток из бокала, тепло проникло внутрь и умиротворение наполнило меня.

– Так и должно быть – сказал мистер Пик, наблюдавший за тем, как по моему лицу разливалось выражение блаженства. – Вы, сеньор Конти, вскоре станете знатоком напитков и это вам просто необходимо в вашей будущей работе, ибо ничего так не сближало мужчин на протяжении всей истории, как возможность обсудить прекрасных дам, великолепные вина, оружие и собственные победы, на каком бы поприще они не были одержаны. Последний пункт я бы советовал вам запомнить особо, ибо признание оных за другим есть лучший способ завести нужное знакомство, а порой и крепкую дружбу. Так что, набирайтесь опыта, тем более, что это чрезвычайно приятно делать.

Дядюшка Лик молчал, предаваясь наслаждению и казалось перестал нас замечать. Он смотрел куда-то в сторону и думал о чем-то своем, а в его правой руке покоился пузатый бокал с коньяком. Ну вдруг он отвлекся, посмотрел на нас с мистером Пиком, достал из портсигара самокрутку, закурил и собрался было продолжить рассказ, как до нашего слуха донеслись звуки шагов, приближающихся от калитки сада.

Вскоре из-за яблоневых деревьев показалась фигура гостя, высокого сухопарого мужчины лет шестидесяти, спортивного вида. Одет он был в потертые джинсы и светлую просторную холщовую рубашу. Картину довершали кеды на ногах и кепка, надвинутая на лоб и прикрывавшая коротко стриженные седые волосы.

«А, герр Хаупт, рад вас видеть! Но что привело вас ко мне в столь неурочный час?» – дядюшка Лик поднялся со своего кресла и двинулся навстречу пришедшему, протягивая руку для приветствия. Гость пожал руку дядюшки Лика, коротко кивнул нам с мистером Пиком и уселся в свободное кресло, что жестом предложил ему сделать хозяин лавки.

Затем герр Хаупт снял кепку, достал из заднего кармана джинсов платок, вытер им лоб, отхлебнул лимонада из бокала, любезно поднесенного ему мистером Пиком, и только потом заговорил. «Ваша взяла! – ответил на вопрос хозяина гость. – Умеете вы вести дела, дядюшка Лик, умеете. Хорошо, я согласен на вашу цену, если конечно вы не хотите пойти мне на уступку». Дядюшка Лик любезно улыбувшись, в знак отрицания просто покачал головой, не став вступать в переговоры с пришедшим. «Я и не сомневался, по правде говоря – сказал герр Хаупт. – Но мне нужно кое-что еще, прежде чем мы совершим эту сделку». «С удовольствием сделаю для вас все возможное, любезный герр Хаупт! – ответил дядюшка Лик. – Слушаю вас внимательно!»

Они завели речь о каких-то среднеазиатских редкостях, отчаянным любителем которых, как я узнал несколько позже, был герр Хаупт. Я старался внимательно вслушиваться в разговор, к чему меня взглядом пригласил дядюшка Лик, но все мое существо было занято разгадкой того, что я услышал до прихода неожиданного гостя.

Уже во время рассказа дядюшки Лика я испытал нечто вроде оторопи, похожей на ту, что одолела меня при открывшейся невероятной картине ущелья, но теперь мне стало совсем не по себе. Я додумывал неоконченный рассказ, перебирал возможные варианты его продолжения, мне чудились какие-то невероятные картины и странные персонажи, но в основном мысли путались и метались в хаотическом брожении. И, что естественно, я не услышал ни единого слова из разговора хозяина лавки и его гостя. Впрочем, дядюшка Лик отнесся с пониманием к этой моей невнимательности, и проводив герра Хаупта до калитки, вернулся и коротко поведал нам суть состоявшегося разговора.

Один из экспонатов лавки был предметом, весьма интересовавшим герра Хаупта, однако цена казалась ему несколько завышенной. Дядюшка Лик, прекрасно осознавая психологию коллекционеров, стоял до последнего, и вот герр Хаупт, раздираемый противоречиями между необходимостью торговаться и боязнью упустить заветный экспонат, могущий украсить его коллекцию, не выдержал внутреннего напора и заявился под вечер в гости к хозяину лавки. Тут страх упустить заветный предмет несколько поулегся и в пришедшем вновь разгорелся скупой собиратель, с трудом расстающийся с деньгами, и всегда подозревающий обман со стороны продавца.

В душе герр Хаупт понимал какую ценность приобретает, но это не мешало ему попытаться выторговать еще что-то, сверх того. В свою очередь дядюшка Лик прекрасно понимал, насколько неправильным будет упорствовать до предела и к чему это приведет – он боялся потерять одного из главных своих клиентов и потому согласился на дополнительное условие герра Хаупта, после чего тот ушел в прекрасном расположении духа.

Экспонатом, вызвавшим столь серьезный интерес герра Хаупта, была сабля палача эмира Бухарского, ударом которой были обезглавлены два британских офицера в середине девятнадцатого века. Так сказал дядюшка Лик, а еще поведал, что сабля эта досталась ему по счастливой случайности: ее сохранили потомки палача, а затем продали в тяжелые для их семьи годы. «Но герр Хаупт просил достать еще кое-что – добавил дядюшка Лик. – Я как-то проговорился ему, что могу достать любую книгу, изданную когда-либо, и вот теперь герр Хаупт хочет получить одну из таких книг. Та, что он желает иметь в своей коллекции выпущена в середине семидесятых, издание совсем не редкое, не представляет никакой ценности, но наше герр Хаупт настаивает, желая получить хоть какую-то компенсацию. И кроме того, надеется на то, что если мне не удастся найти совершенно новый экземпляр книги, он сможет-таки выторговать у меня скидку на саблю».

Дядюшка Лик улыбнулся, закурил скрученную сигарету, отпил чаю и продолжил. «Эта просьба чрезвычайно своевременна, важна для нас, она позволяет нам совместить покупку книги с выполнением одной обязательной и давно требующей очередного вмешательства задачи. – И обращаясь ко мне, и с совершенно серьезным видом добавил – Готовьтесь, сеньор Конти, к путешествию в столицу Средней Азии восьмидесятых годов двадцатого столетия».

Первое путешествие

Только представьте себе, что случилось бы с вами, предложи вам некто совершить путешествие из дня сегодняшнего, скажем, в пятнадцатый век. Абсолютно уверен, что вы не стали бы выяснять географических подробностей предлагаемого перемещения во времени, а бежали бы от этого человека сломя голову, без оглядки, и возможно позвонили бы в «скорую». Я же, проведя в компании дядюшки Лика и мистера Пика уже почти месяц, и готовый, казалось бы, к любым поворотам, просто остолбенел от неожиданности.

Бокал с лимонадом замер в моей руке на полпути к столу, и со стороны дальнейшее его движение было похоже на киносъёмку рапидом, когда каждый шаг занимает на экране многократно больше времени, чем на самом деле. Вид у меня был смешной, надо полагать: полный рот лимонада, а глотательные движения практически парализованы, глаза выпучены, дикий взгляд перемещается с одного собеседника на другого, рука с бокалом замерла в воздухе.

Что такое обморок я не знал, только солнечный удар меня настигал в пятилетнем возрасте, когда я сидел на веранде нашего родового дома, и вот теперь я почувствовал нечто похожее. Из ступора меня вывел голос мистера Пика. «Тихо-тихо, молодой человек! Все нормально, успокойтесь. – И обращаясь к хозяину лавки, продолжил – А вы, дядюшка Лик, уже второй раз на дню повергаете сеньора Конти в оторопь, испытываете его психику на прочность. Давайте уже посвятим нашего друга во все подробности, чтобы сохранить его душевное здоровье невосприимчивым».

«Хорошо, вы правы, мистер Пик – сказал дядюшка Лик, а затем взглянул на меня с улыбкой, в которой не было ни капли иронии или удовлетворения достигнутым его словами эффектом, а лишь подлинное участие. – Полагаю, надо закончить рассказ, прерванный приходом герра Хаупта. И прошу вас, не беспокойтесь, медицинская помощь никому тут не понадобится».

Мистер Пик налил в бокалы немного коньяку, мы выпили по глотку, моя рука произвольно потянулась к портсигару, словно я стал уже заядлым курильщиком. Видимо, это было недалеко от истины, поскольку две затяжки вкусного табака принесли мне заметное облегчение – я слегка успокоился, внутренняя дрожь унялась. Мы помолчали недолго, сделали еще по глотку живительного напитка, а затем дядюшка Лик продолжил свой удивительный рассказ.

– Надеюсь, сеньор Конти, вы еще помните о примере с рулеткой, что я вам приводил! Так вот, это абсолютно соответствует действительности, а потому и время, так же, как пространство – совершенно материальные субстанции. Только вот какая штука – если пространство вы себе представить и даже потрогать можете, достаточно лишь прикоснуться к глобусу, то время не ощущаемо ни одним из имеющихся в нашем распоряжении рецепторов. Вернее сказать, их теперь уже нет, у нынешней формации людей, в нынешнем варианте популяции. Не было их и у предыдущих двух, поскольку и они были лишены этого великолепного инструмента, с помощью которого можно было бы легко подправить все неточности, не позволяя вектору развития цивилизации отклоняться от задуманного курса.

Но, как вы вероятно и сами понимаете, наблюдая за тем, что происходит теперь, человек не сумеет воспользоваться им по назначению – имей он возможность вернуться несколько назад во времени, точно не станет исправлять собственные недоработки, а совершенно определенно примется препятствовать правильному ходу вещей своих недругов в том будущем, где он их умудрился занять. А ведь эксперимент затевался ровно с противоположной целью – создания совершенного биологического вида, наделенного невероятными способностями, и столь же невероятной задачей создания еще более совершенных образцов для коллективного управления территорией, отданной им в охранение и развитие.

Два первых этапа эксперимента закончились абсолютной неудачей, провалом, потому на третьем этапе у очередной популяции населения этой планеты были отключены некоторые функции восприятия действительности. Следующие этапы – третий, четвертый и пятый – привели к не менее печальным результатам, и вот теперь, после многочисленных доработок, идет подготовка к созданию очередной цивилизационной модели.

И что же оставит о себе на память потомкам нынешний этап? А вот что – концепцию оправдания собственной никчемности. Все, что на протяжении веков говорилось о борьбе добра со злом, выдуманно самим человеком и только с одной целью – оправдания собственных провалов. Мол, от меня ничего не зависит, просто какие-то темные силы мешают исполнению высшей воли. А мы же так стараемся, так стараемся – вторят ему толпы. И взывают они к

небесам, и молят о наказании дьявола, просят о благодеяниях, о деньгах, о помощи в делах. Смешно, право слово, просто смешно, в особенности, когда о снисхождении и наказании нечистой силы молят, закатывая глаза, настоящие тираны,

Я вот что хочу сказать: если бы и пришлось продемонстрировать одного из той тьмы-тьмущей «демонических сил», о которых так много разглагольствует человечество на протяжении своей истории, гадя при этом страшно и целенаправленно всем вокруг и себе в первую очередь, то собравшаяся толпа землян увидела бы некое существо в белом халате и очечках, то есть, сотрудника одной из лабораторий, где и была допущена ошибка. Но поскольку сбой происходили в результате цепной реакции, а назад, как вы понимаете, откатить эксперимент нет никакой возможности, то и родилась мысль не мешать этим несовершенным существам сбиваться в кучи и культивировать идею о заговоре темных сил. А заодно и посмотреть, как они будут жить с нею.

Живут, оказалось, да еще и с радостью. Заметьте, никто не снимает с себя ответственности за допущенные ошибки, но посудите сами – раз есть те немногие, кто выдержал... назовем это экзаменом, почему остальные не смогли? Мы много задавались этим вопросом и кажется нашли на него ответ. Пока только кажется, но это слишком долгий разговор и путанный, мне будет проще объяснить все на примерах, что я и буду делать – ведь вы же помните об обещанных рассказах.

Дядюшка Лик улыбнулся и закурил сигарету. Я слушал его затаив дыхание и ни одна посторонняя мысль не отвлекала меня от этого удивительного рассказа. Эти слова многое мне объясняли, давали ответы на некоторые мучившие меня вопросы. Но вот дядюшка Лик прервался и только тогда я понял, что совершенно успокоился и как-то странно себя почувствовал, словно тот, о ком я теперь думал, был совершенно другим человеком, но вместе с тем осознавал, что тот другой – я и есть. Это было так явно, но совсем почему-то неудивительно, что я даже внутренне веселился, разглядывая самого себя со стороны, и тут меня вернул к действительности дядюшка Лик, продолживший свой монолог. Первая фраза была самой в нем любопытной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.